

В. В. Вересаев

**Полное собрание сочинений
В. В. Вересаева**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В31

В31 **Вересаев В.В.**
Полное собрание сочинений В. В. Вересаева: Том 2 / В. В. Вересаев – М.:
Книга по Требованию, 2017. – 320 с.

ISBN 978-5-517-99317-5

ISBN 978-5-517-99317-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

вдоль полотна дороги. Одни возвращались назадъ, другіе шли дальше, на Черноморье и Кубань. Они потеряли всякій страхъ: стоило кондукторамъ зазѣваться, и въ поѣздѣ немедленно оказывалось нѣсколько десятковъ безбилетныхъ «зайцевъ». Практика давно уже выработала такой образъ дѣйствій: кондукторы зорко слѣдятъ на станціяхъ за приближающимся косаремъ и энергично отражаютъ его попытки проникнуть въ поѣздъ; но, разъ онъ ужь очутился въ вагонѣ, на него машутъ рукою и, безъ всякихъ тасканій къ начальству, просто высаживаютъ на слѣдующей станціи: все равно, взятки съ него гладки.

Поѣздъ далъ свистокъ и началъ замедлять ходъ. Хромой косарь поспѣшно всталъ, захватилъ свой зипунъ и перешелъ въ сосѣдній вагонъ; тамъ онъ сѣлъ на лавочку за дверью. Поѣздъ остановился.

Черезъ вагонъ прошелъ кондукторъ и увидѣлъ косаря.

— Ты не сошелъ?!—изумился кондукторъ.

Косарь поднялся.

— Да куда же я пойду? У меня ноги больныя!—ожесточенно воскликнулъ онъ, глядя на кондуктора, какъ затравленный волкъ.

— Ах-хъ ты, Господи!..—Кондукторъ замолчалъ и оглядывалъ его съ ногъ до головы.—Я тебѣ говорилъ, какъ человѣку, а теперь что же? Я долженъ бить тебя по шеѣ!

— Смилуйтесь, господинъ кондукторъ!

— Ступай ты, ради Бога! Пойми, мы не можемъ даромъ возить народъ... Вѣдь вотъ человѣкъ!

Онъ взялъ косаря за рукавъ, вывелъ на площадку и заставилъ слѣзть.

Залихватски закатился кондукторскій свистокъ, ему въ отвѣтъ рывкнулъ паровозъ, далеко впереди пискнулъ рожокъ стрѣлочника, поѣздъ дрогнулъ и двинулся.

II.

На станціи стихло.

Косарь напился изъ кадучки теплой воды и пошелъ въ степь: около линіи нечего было разсчитывать ни на работу ни на милостыню. Дорога вилась вдаль слабыми, лѣнивыми извивами. Кругомъ до самаго горизонта тянулась степь и степь, — ровная, неподвижная, залитая горячимъ солнцемъ. Трава была мелкая и рѣдкая, повсюду сѣрѣли большія плѣшины голыя, выжженной солнцемъ земли. Вѣтеръ слабо дулъ съ запада, шелестя травой; съ вѣтромъ несея издалика тонкій, нѣжный запахъ свѣжаго сѣна, но запахъ шелъ не отъ рядовъ

и копень, а отъ травы, на корню сохшей подъ жгучимъ солнцемъ.

Косарь шелъ, хромяя, и тяжело опирался на палку. Солнце било въ лицо, во рту пересохло, на зубахъ скрипѣла пыль; въ груди какъ будто злобно запеклось что-то тяжелое и горячее. Шелъ часть, другой, третій... Дорогѣ не было конца, въ стороны тянулась та же сѣрая, безлюдная степь. А на горизонтѣ слабо зеленѣли густые лѣса, блестѣла вода; дунеть вѣтеръ,—призрачные лѣса колеблются и таютъ въ воздухѣ, вода исчезаетъ.

Около дороги, на рубежѣ, стояла каменная баба. Косарь сѣлъ къ ея подножію. Въ ухахъ звенѣло и со звономъ проходило по головѣ, въ глазахъ мутилось отъ жары и голода. Большая ступня ныла, и тупая боль ползла отъ нея черезъ колѣно въ пахъ.

Вокругъ было просторно и пусто. Только далеко на дорогѣ чернѣла фигура идущаго человѣка. Въ блещущей синевѣ неба парилъ коршунъ, потревоженные овражки перекликались между собою изъ-подъ земли отрывочнымъ, звенящимъ свистомъ. Каменная баба въ колпакѣ,—сѣрая, поросшая зеленоватымъ мохомъ,—сгорбившись, смотрѣла въ степь съ злымъ, какъ будто живымъ лицомъ; нижняя часть лица была пухлая и обрюзгшая, руками она держалась за животъ, и казалось, что она кисло морщилась отъ боли въ пустомъ желудкѣ. Косарь схватилъ руками колѣни и застылъ, глядя вдаль воспаленными, красными глазами.

— Цс-сыкъ! Цс-сыкъ! Цс-сыкъ!—явственно звучало вокругъ, какъ будто десятки косъ дружно рѣзали густую, сочную траву. По небу молніей проносились невидано-громадныя, черныя птицы, и путникъ съ трудомъ соображалъ, что это—вьющіяся вокругъ его головы мухи. Надъ горизонтомъ по небу стали протягиваться густо переплетающіяся, движущіяся вѣтви, вдаль потянулись гуськомъ косари въ красныхъ рубахахъ; они шли одинъ за другимъ, съ закинутыми на плечи косами, и имъ не было конца. Все это былъ обманъ, и путникъ зналъ это: за время скитаній по степи ему не разъ уже, особенно по вечерамъ, мерещились странныя вещи. И ему казалось,—ему стало бы легче, если бы не шли вдаль косари, если бы не мелькали по небу черныя птицы и не звучали невидимыя косы, рѣжущія невидимую траву...

Косарь вздрогнулъ и поднялъ голову. На дорогѣ стоялъ невысокій человѣкъ въ нанковомъ подрясникѣ и смотрѣлъ на него. Добродушное лицо было потно и одутловато, за плечами висѣла на ремняхъ объемистая котомка.

Человѣкъ свернулъ съ дороги къ бабѣ. Онъ молча спустилъ съ плечъ котомку, сѣлъ, вздохнулъ и, снявъ скуфейку, провелъ рукою по длиннымъ волосамъ.

Косарь мрачно смотрѣлъ и молчалъ. Человѣкъ въ подрясникѣ, не торопясь, раскрылъ котомку. Досталъ краюху пшеничнаго хлѣба, воблу, бутылку водки.

— И много же тутъ нынче вашего брата-полтавца набилось!—заговорилъ онъ, раздавливая сургучъ бутылки о подножье бабы.—Никогда еще столько не бывало. Чтѣтъ грачей въ полѣ, такъ всюду вашего брата.

Онъ ударилъ ладонью въ донышко бутылки, пробка вылетѣла, и водка въ горлыникѣ зашѣлилась. Косарь молчалъ и злыми глазами косился на сосѣда.

— Шли траву прибирать, а травку-то самъ Господь прибралъ, для себя!—продолжалъ человѣкъ въ подрясникѣ.—Вотъ и гуляй теперь по степи безъ дѣла.

Онъ отпилъ изъ горлышка водки и, какъ будто это само собою разумѣлось, протянулъ бутылку косарю. Косарь дрогнулъ, нерѣшительно оглядѣлъ длинноволосаго человѣка. Потомъ вдругъ на черномъ лицѣ закривилась улыбка, онъ поистинно протянулъ руку и бережно принялъ бутылку.

Человѣкъ въ подрясникѣ прожевывалъ воблу. Онъ подвинулъ закуску къ косарю и спросилъ:

— Отколѣ самъ будешь?

— Изъ Тамбовской губерніи.

Косарь отпилъ водки, утеръ усы и осторожно, словно боясь потревожить рыбку, отколупнулъ кусокъ. На лицѣ его была теперь напряженно-предупредительная улыбка.

— Давно ходишь?

— Съ Пасхи.

Косарь помолчалъ.

— Шли, шли, милый человѣкъ мой,—заговорилъ онъ, стараясь не глядѣть на закуску:—все думали, дойдемъ до настоящаго мѣста. Обносились, обтрепались, хуже нищихъ сдѣлались,—нѣту работы!.. А народъ все, знай, валить. И куда идутъ-то? Сами не вѣдаютъ. Другъ у дружки такъ и рвутъ кусокъ изъ рта!

— Косу-то проѣлъ ужъ?

— Проѣлъ... Все проѣлъ. Да вотъ ногу еще испортилъ.

— Не родилось ничего, вотъ причина. Засуха!.. Да ты ѣшь, чтѣтъ жь ты?.. Отхлебни еще разокъ!

— Не обидно будетъ тебѣ?—спросилъ косарь съ закривившеюся снова улыбкою и исподлобья взглянулъ на собесѣдника.

— Ну, чтѣтъ ты! Господи помилуй!.. Знай, ѣшь!

Косарь съ наслажденіемъ отхлебнулъ еще водки и принялся за рыбу.

— И тебѣ все это дѣло обскажу повнимательнѣе,—заговорилъ онъ, жуя.—Говоришь: не родилось ничего. Не въ этомъ штука. Тутъ штука вотъ какая: время наше прошло. Былъ тутъ годъ одинъ,—послѣ холеры который, этотъ!.. Трава вѣдкая была, жито—не прожнешь. А народу мало подошло... И пошли по экономіямъ косилки, жнейки всякія. Съ той поры, можно сказать, хорошо и не бывало. Раньше за лѣто пять-шесть красненькихъ домой принесешь,—ну, теперь этого ужъ нѣту!

— Ты куда жъ сейчасъ идешь?

— Домой бы добраться, да вотъ нога шибко итти не пускаетъ.

Человѣкъ въ подрясникѣ помолчалъ.

— А то пойдешь со мною,—сказалъ онъ, глядя въ стѣну.— Мое дѣло легкое.

— А ваше какое же дѣло будетъ?—осторожно спросилъ косарь, переходя на «вы».

— Съ святымъ припасомъ хожу.

— Гм! Странникъ, значить, будешь?

— Въ родѣ какъ бы странника.

— Въ Ерусалимѣ былъ?

Странникъ загадочно отвѣтилъ:

— Я гдѣ и не былъ, а все знаю.

Косарь покосился на него.

— Изъ стрѣлковъ, значить, будешь?

— «Изъ стрѣлко-овъ»... Поучить бы тебя, дурака!.. Ну, да жалко мнѣ тебя. Куда ты пойдешь, такой-то! Богъ ужъ съ тобой, пойдешь вмѣстѣ. И мнѣ веселѣе будетъ, а то скучно одному... Тебя какъ звать-то?

— Никитой.

— Ну, Никита, вставай! Будетъ, отдохнули. Вонъ ужъ гдѣ солнышко. Скоро деревня будетъ.

Странникъ приладилъ къ плечамъ котомку, они встали и пошли. Странникъ, маленькій и пухлый, шелъ мелкими шагами, опираясь на камышевую палку, а рядомъ ковылялъ огромный, оборванный косарь.

— Ты издалека ли сейчасъ идешь?—спросилъ взбодрившійся отъ водки Никита.

— Да со станціи.

— Долго чтой-то шелъ!

— Тамъ еще дѣла кой-какія надо было справить,—потроговать, чайку попить..

Никита громко расхохотался.

— «Дѣла»!.. Нешто это дѣло? Сказаль бы—поработать, а то—«чайку попить»! Это не дѣло! Это значить—въ мамонъ свой закладать, а не дѣло!..

— Буде грохотать, разстегнуль плсты!—сурово обрѣзалъ его странникъ.—Вотъ она деревня, видишь?.. Я что ни буду рассказывать, ты все знай—молчи; все равно, какъ будто нѣмой будешь. На ночевку оставлять стануть, не оставайся: переночуемъ въ степи.

Вдали, въ неглубокой балкѣ, сѣрѣли крыши деревни и зеленѣли вербы. На пригоркѣ маленькія восьмикрылыя мельницы лѣниво махали кургузыми крыльями.

III.

Солнце садилось. Красные лучи били по пыльной деревенской улицѣ, ярко-бѣлыя стѣны хатъ казались розовыми, а окна въ нихъ горѣли кровавымъ огнемъ. Странникъ и Никита сидѣли на крылечкѣ хаты, окруженные толпою хохловъ—мужиковъ и особенно бабъ.

На столѣ странникъ разложилъ весь свой святой припасъ. Тутъ были раковины «съ Мертваго моря», собранныя на морскомъ берегу въ Одессѣ, были пузырьки съ ижехерувимскими каплями, восковые огарки изъ-подъ святаго огня, картины и фотографіи.

Онъ держалъ въ рукахъ ярко раскрашенную картину, изображавшую ново-аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь; на горахъ, усѣянныхъ деревьями, похожими на зеленыя бородавки, бѣлѣли златолавная церкви, а въ небѣ стояла Богородица, простирая ризы надъ монастыремъ.

Странникъ рассказывалъ о святой и тихой жизни въ благочестивомъ монастырѣ; онъ рассказывалъ пѣвучимъ, высокимъ голосомъ, какимъ читають въ церквахъ Апостола степенные и толковые дьячки, желающіе читать «съ чувствомъ». Никита, наѣвшійся вкуснаго борща съ баклажанами, чувствовалъ блаженное отяжелѣніе въ тѣлѣ. Онъ слушалъ странника и медленно моргалъ глазами.

— Отстояли мы обѣдню, вышли на волю,—рассказывалъ странникъ.—Глянули на кумполъ,—и что же, братцы вы мои? Стоитъ на облачкѣ сама Матушка-Богородица! Все равно, какъ вотъ на картинѣ тутъ... Сіяніе отъ Нея,—глазамъ больно смотрѣть, солнцу подобно... Съ нимъ вотъ вмѣстѣ были!—прибавилъ онъ своимъ обычнымъ голосомъ, кивнулъ на Никиту и оглядѣлъ его ясными, умиленными глазами.

Никита пошевелился и сталъ густо краснѣть, косясь на окружающихъ.

— Нѣмой онъ, говорить не можетъ сыздѣтства, — объяснилъ странникъ. — Ну хорошо, ладно! — продолжалъ онъ прежнимъ голосомъ. — Увидали мы съ нимъ, — смутились въ сердцѣ своемъ, пали наземь. И взмолился я къ Владычицѣ Небесной: «Мать Пресвятая Богородица, утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ! Будетъ ли товарищу моему спасеніе, отверзятся ли ему уста?» И случилось тутъ знаменіе... Глянула на насъ Матушка, за уголышекъ ризу взяла Свою и три раза его вотъ благословила, — разъ! два! и три! — больше ничего.

Онъ вопросительно оглядѣлъ слушателей. Бабы скорбно вздыхали и качали головами. Старикъ-хохолъ, съ трубкою въ зубахъ, слушалъ съ чуть замѣтною усмѣшкою, засунувъ руки въ карманы шароваръ.

— Это чтò значить?.. Значить: молись и вѣруй, три года тебѣ терпѣть, а тамъ будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей...

Странникъ замолчалъ. Никита сидѣлъ красный и волкомъ глядѣлъ вкругъ.

— Вѣруй въ Матушку, и все приложится тебѣ, — снова заговорилъ странникъ. — Помни Бога, для Него живи въ мѣрѣ, для Него трудися! — Странникъ значительно погрозилъ пухлымъ пальцемъ. — А мы какъ? Все о себѣ печалуемся, — какъ бы помягче пожить да послаще... Ну, вотъ потомъ самъ и платись!.. Въ кievскихъ пещурахъ мощи лежатъ братѣвъ-плотниковъ. Построили они храмъ Успенію Пресвятой Дѣвы Маріи. Явилась Она имъ, спрашиваетъ: «чего хотите, — *сирьчь* злата, *сирьчь* царствія Божія?» Двѣнадцать братѣвъ запросили царствія Божія, а тринадцатый на злато прельстился, добра запросилъ. Ну, сталъ онъ жить, — хорошо жить сталъ, мягко, жирно... Прожилъ годъ и сталъ думать въ своей головѣ: «чтò я такое сдѣлалъ?» И ужаснулся онъ. Пришелъ къ Матушкѣ, палъ въ ноги: «прости, — говоритъ, — за глупость, не отринь раба Твоего!» А Она и говоритъ: «Ничего теперь не могу сдѣлать тебѣ. Видишь, мощи братѣвъ твоихъ лежатъ: если раздвинутся, дадутъ мѣсто, — твое счастье». Взмолился онъ къ мощамъ: «Братья мои милые, единоутробные! Пожалѣйте грѣшника, дайте промежь себя мѣстечко!» Сдвинулись братья, только не хватило для него цѣлаго мѣста, втиснулся онъ промежь нихъ плечомъ. Такъ по сіе время и лежатъ, — двѣнадцать къ небу ликомъ, а этотъ промежь нихъ бокомъ..

— А це кто? — прервалъ его старикъ-хохолъ, рассматривавшій фотографію образа изъ кievскаго собора св. Владимира.

— Никита-Стольникъ, святой угодникъ переславскій, — ско-

роговоркой отвѣтилъ странникъ.—Видишь, на столбѣ стоитъ? Тридцать лѣтъ и три года простоялъ...

Онъ передохнулъ, быстро высморкался пальцами и тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ сталъ рассказывать. Рассказывалъ, какъ въ молодости Никита былъ «суровъ и мятежникъ», какъ обижалъ онъ людей, и какъ явилось ему знаменіе: жена его варила мясо и увидѣла въ кастрюлѣ кипящую кровь; въ крови мелькали человѣческія головы, руки и ноги. Позвала она Никиту, онъ посмотрѣлъ и ужаснулся. «Увы мнѣ, много согрѣшихъ!..» Пошелъ къ монастырю, влѣзъ въ болото и три дня просидѣлъ въ трясинѣ, отдавъ себя на пищу комарамъ и жабамъ. Потомъ явился къ игумену, палъ въ ноги и сталъ молить указать ему трудъ,—«токмо, отче, спаси душу погибающую!..» И построилъ онъ себѣ столбъ и сталъ служить Богу. Зиму и лѣто, день и ночь стоялъ онъ на столбѣ и все молился. Дождь его мочилъ, снѣгъ засыпалъ, клевали вороны,—онъ все молился; въ каждой рукѣ онъ держалъ на вѣсу по тяжелому камню, вериги на тѣлѣ отъ многого труда сдѣлались блестящими, какъ золото...

Хорошо рассказывалъ странникъ. Лицо у него стало свѣтлое и вдохновенное, голосъ проникалъ въ душу. Кругомъ молчали. Солнце сѣло. Никита смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ фотографію и не могъ оторвать глазъ: высокій, худой и изможденный, стоялъ угодникъ на бревенчатомъ срубѣ; включенная сѣдая борода спускалась ниже пояса, щеки осунулись, лицо было блѣдное и мертвенное; потухшіе, бѣлесые, какъ у трупа, глаза смотрѣли въ небо.

И странное что-то творилось съ Никитой. Онъ слушалъ вдохновеннаго рассказчика и забылъ, что передъ нимъ не больше, какъ «стрѣлокъ». И все смотрѣлъ на фотографію, и она оживала подъ его взглядомъ: въ старческомъ, трупномъ лицѣ угодника, въ его невидящихъ, устремленныхъ въ небо глазахъ горѣла глубокая, страшная жизнь: казалось, ко всему земному онъ сталъ совсѣмъ чуждъ и нечувствителенъ, и духъ его въ безмѣрномъ покаянномъ ужасѣ рвался и не смѣлъ подняться вверхъ, къ далекому небу...

Никита поднималъ голову, подперъ щеку кулакомъ и задумчиво смотрѣлъ на затихавшую степь. По этой степи онъ скитался два мѣсяца, злобный отъ голода и униженій, полный однимъ собою. Все пережитое, вся злоба и страданія казались ему теперь мелкими, и онъ стыдился ихъ. Стыдился, что муки эти онъ переносилъ для самого себя, и что онѣ такъ малы и ничтожны, и что въ нихъ нѣтъ ничего, что уносило бы его вверхъ, прочь отъ земли, какъ этого угодника.

IV.

Темнѣло. Странникъ и Никита оставили за собою деревню и шли по степи. Никита ковылялъ на больныхъ ногахъ и молча, съ пристальнымъ вниманіемъ, косился на спутника: лицо странника казалось ему чуждымъ-чуждымъ и страшнымъ въ своей чуждости. А странникъ шелъ рядомъ, беззаботно пошвыстывалъ и дышалъ прохладною.

Далеко на югѣ чернѣли неподвижныя тучи, оттуда шло непрерывное, глухое ворчаніе. Кругомъ еще сильнѣе пахло некошеномъ сѣномъ. Вѣтеръ слабо дулъ, шурша сухою травою.

— Ну, поглядимъ, сколько нынче Богъ пошлетъ! — заговорилъ странникъ. — Э-эхъ, коробушка-матушка, вались на травушку!..

Онъ скинулъ котомку наземь, опустился на траву. Никита стоялъ и молча глядѣлъ.

Странникъ вытащилъ изъ кармана деньги, сталъ считать: оказалось семьдесятъ три копейки; было тутъ и отъ продажи «святого припасу», были и деньги, данные бабами на свѣчи угодникамъ въ Соловкахъ, куда будто бы направлялся странникъ. Потомъ онъ вытащилъ изъ котомки холсты, яйца, бутылку съ водкой.

— Чтò жъ, Никитушка, давай дѣлиться! — ласково сказали странникъ.

Никитѣ что-то сдавило горло. Онъ стоялъ, разставивъ ноги, и въ упоръ смотрѣлъ на странника.

— Знаешь, чтò? — проговорилъ онъ срывающимся голосомъ. — Тебѣ одна дорога, мнѣ другая... Прощай, братъ! — И онъ махнулъ рукою.

Странникъ изумленно вытаращилъ глаза и вскочилъ на ноги.

— Чтò ты?.. Господи помилуй, чего ты? — Онъ оторопѣло вглядывался въ Никиту. — Ду-ура ты, дура деревенская! — неожиданно расхохотался онъ и весело всплеснулъ руками.

Никита исподлобья оглядѣлъ странника — и вдругъ, закусивъ губу, съ размаху ударилъ его тяжелымъ кулакомъ въ лицо, — ударилъ больно, крѣпко, съ дикою радостью ощущая, какъ хрястнулъ подъ кулакомъ носъ его спутника...

Странникъ, съ залитымъ кровью лицомъ, сидѣлъ на землѣ и испуганно-плачущимъ голосомъ ругался. А Никита, не оглядываясь, шелъ впередъ въ темнѣвшую степь,

ВАНЬКА.

РАЗСКАЗЪ ПРІЯТЕЛЯ.

Года три назадъ я работалъ монтеромъ на одномъ большомъ петербургскомъ желѣзнодорожномъ заводѣ. Какъ-то вечеромъ, въ воскресенье, я возвращался домой съ Васильевскаго Острова. Дѣло было въ іюнь. Поѣздъ пригородной дороги, пыхти, мчался по тракту вдоль Невы; имперіаль былъ густо засаженъ народомъ; шелъ громкій, пьяный говоръ.

— А что, дяденька, въ Александровское село доѣду я на этой машинѣ? — обратился ко мнѣ мой сосѣдъ, толстогубый парень съ крѣпкимъ, загорѣлымъ лицомъ. Онъ былъ въ пенюковыхъ лаптяхъ и свѣтло-сіромъ зипунѣ, на головѣ сидѣла громадная, облѣзлая мѣховая шапка. Сѣрою деревню такъ отъ него и несло. Несло, впрочемъ, и водочкою.

— Доѣдешь, — отвѣтилъ я.

— А тебѣ въ которо мѣсто? — спросилъ его сосѣдъ по другую сторону, старикъ-сапожникъ.

— Значить... въ Александровское село!

— Я понимаю, что въ Александровское... Мѣсто-то которое? Какая улица?

— Не знаю я...

— Эхъ, ты, тетка Матрена!.. Давно ли въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ-то?

— Да, въ Питерѣ-то!

— Нонче утромъ приѣхалъ... Значить, въ селѣ Александровскомъ землякъ у меня, у него я присталъ. А сейчасъ къ дядѣ ѣздитъ на шашнадцатую линію, — у господъ кучеряетъ... Винца, значить, выпили съ нимъ...

— Какъ же ты теперь домой попадешь, дурья ты голова? Нужно знать, какая улица — разъ, какъ номеръ дому — два! — поучающе произнесъ старикъ.

— Онъ думаль, тутъ деревня ему,—отозвался изъ-за спинки скамейки фабричный парень.—Спросилъ: «Гдѣ тутъ, братцы, Иванъ Поталычъ живетъ?»—а ему всякій: «Вонъ онъ!..» Нѣтъ, подожди,—эка ты, братъ, какой!

— Долженъ былъ адресъ спросить!—поучаль старикъ.

— Вѣр-рно!—съ удовольствіемъ согласился парень въ шапкѣ и тряхнулъ головою.

— Вотъ теперь и ищи земляка своего!

— Ты какой губерніи-то? «Скопской»? — быстро спросилъ фабричный.

— Скопской.

— Ну во-отъ!.. Скопской,—сразу видно!

Кругомъ засмѣялся. На парня сыпались насмѣшки. Онъ потряхивалъ головою, затягивался цыгаркою, самостоятельно сплевывалъ и съ большимъ удовольствіемъ повторялъ: «Вѣр-рно!.. Пр-равильно!..»

— Вотъ тебѣ село Александровское, пріѣхали. Слѣзай, ищи земляка!

Парень торопливо всталъ и спустился внизъ. Слегка пошатываясь, онъ быстро пошелъ посреди улицы, потряхивая головою и мягко ступая по мостовой пеньковыми лаптями. На перекресткѣ неподвижно стоялъ городовой. Парень снялъ передъ нимъ шапку, съ достоинствомъ тряхнулъ волосами, надѣлъ шапку и гордо зашагалъ дальше. Вскорѣ онъ исчезъ въ сумракѣ бѣлой ночи..

Дня черезъ два мнѣ дали на заводѣ новаго подручнаго. Я тогда работалъ на линіи. Передо мною предсталъ мѣшковатый парень, въ огромныхъ сапожищахъ и мѣховой шапкѣ. Это былъ мой сосѣдъ по конкѣ.

Онъ проработалъ у меня съ недѣлю. Смѣхъ было имѣть съ нимъ дѣло, а иногда прямо неумоготу.

— Иванъ, подай лѣстницу!

Иванъ, глазѣющій на мою работу, начинаетъ медлительно шевелиться.

— Лѣстницу?.. Ка-акую?

— Да давай скорѣй лѣстницу, чор-ртъ!! «Какую»!..

Иванъ, не торопясь, беретъ лѣстницу и, ворча, начинаетъ ее прилаживать къ стѣнѣ.

— Самъ чортъ! нѣ-ка!.. Чего орешь?

Въ немъ совсѣмъ не было замѣтно той предупредительной готовности принимать насмѣшки и ругательства, какую онъ проявилъ тогда на конкѣ. Напротивъ, весь онъ былъ пропитанъ какимъ-то милымъ, непоколебимымъ чувствомъ собственного достоинства, которое совершенно обезоруживало меня.